

Западная действительность и русские идеалы *).

(Письма из-за границы).

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Кёльнский Соборъ, какъ символъ католичества.—Спеціально католическая фizioномія западнаго города за Кёльномъ.—Католичество и культура.—Организація и матеріальное положеніе католическаго клира во Франціи.—Проповѣдь Монсильера Д'Юльста въ Соборѣ Парижской Богоматери.—Ослабленіе вліянія кат. церкви на массы.—Причины этого явленія по Тацу, Леруа-Болье и Брогли.—„Дехристианизація“ Франціи.—Причины этого явленія—вторичная и коренная.—„Соціально-демократическая эволюція“ папства.—Католичество и рабочій вопросъ.—Энциклика папы Льва XIII о рабочемъ вопросѣ (De conditione orificum).—Какъ папа опровергаетъ социализмъ?—О социальномъ значеніи Христіанства и кат. церкви, по энцикликѣ.—Объ отношеніи къ рабочему вопросу со стороны государства.—Объ ассоціаціяхъ и коопераціяхъ рабочихъ, какъ единственномъ исходѣ изъ современнаго социальнаго кризиса, по энцикликѣ.—Главная ошибка въ энцикликѣ.—Неудовлетворенность ею.—Что можетъ спасти западный міръ отъ „соціального землетрясенія“?—Двѣ формулы, выражающія господствующее настроеніе современнаго католическаго Запада.

*Le christianisme en France s'est réchauffé
dans le cloître et refroidi dans le monde.*
Taine ¹⁾.

Adveniat regnum Tuum!

На рубежѣ, отдѣляющемъ католическій Западъ отъ протестантскаго, возвышается монументальный памятникъ—Кёльнскій Соборъ. Массивный и величественный, раздѣлившійся на множество какъ-бы самостоятельныхъ пристроекъ и, однако, ничуть не утратившій своего архитектурнаго единства, своего строго выдержаннаго стиля, постоянно достраивае-

* См. сентябрьскую кн. „Богосл. Вѣстника“.

¹⁾ La reconstruction de la France en 1800. Revue des deux Mondes, т. 105, 1891 г., стр. 516: „къ христіанству во Франціи снова прониклись (запылали) любовью въ монастыряхъ и охладѣли въ міру“.

мый и все еще недовершенный, уходящій своими гордыми шпицами въ далекую высь голубаго неба и въ то же время грузно осѣвшій на землю,—этотъ священный колоссъ служитъ нагляднымъ и выразительнымъ символомъ католической церкви съ ея прочною организаціею, съ ея горделивыми замыслами, съ ея постоянными достройками при неизмѣнности основной идеи и плана, съ ея страстными порывами къ небу, которые не мѣшаютъ ей, однако, всѣмъ существомъ своимъ, всѣми привязанностями и помыслами оставаться на землѣ, — церкви, о которой такъ правдиво сказалъ поэтъ:

Она небесъ не забывала,
Но пыль земли на ней легла.

Присматриваешься къ этому колоссу ближе, и аналогія становится все отчетливѣе и отчетливѣе: въ воображеніи проносятся разнохарактерныя картины, напрашивается сближеніе за сближеніемъ и, кажется, символически переживаешь все, чѣмъ живетъ католикъ, начинаешь постигать загадку великаго, неразгаданнаго факта и становишься участникомъ чуждаго міра, чуждыхъ думъ и чувствъ, чуждой, глубоко скрытой, утаенной жизни. Вотъ вступаешь подъ свѣтъ величественныхъ сводовъ храма, и, когда въ священномъ полумракѣ тебя охватываетъ могучее, уничтожающее чувство таинственнаго, заглушающее личную мысль и личное желаніе, всѣ проявленія сознательной жизни, и ты какъ бы сливаешься со всѣмъ окружающимъ; когда слушаешь громовой звукъ органа и нѣмую, непонятную „мессу“, которая самымъ фактомъ своей непонятности какъ-бы снимаетъ съ тебя обязанность участвовать въ молитвѣ *своею* мыслью, *своимъ* словомъ, движеніемъ *своей* души, своей единоличной воли: когда переживаешь всѣ эти безотчетныя, но невольныя настроенія, тогда ясно чувствуешь все обаяніе соблазна отдаться, — безмысленно и безвольно, — внѣшнему водительству, внѣшне „спасающей матери“ — католической церкви. Вотъ вмѣстѣ съ проводникомъ мы поднимаемся на кровлю храма и проходимъ по его безконечнымъ наружнымъ переходамъ. У подножія храма смиренно стелется городъ, а далѣе открываются необозримые горизонты... Заманчиво, до раздраженія заманчиво даже и это, лишь

мгновенное и призрачное обладаніе окрестностью и шумнымъ городомъ, которое дается на этой высотѣ: на сколько-же заманчивѣе и обольстительнѣе должно быть реальное обладаніе міромъ, людьми, ихъ душою и совѣстью! И вотъ — разгадка панства, его неутомимой энергіи, которой хватаетъ для поддержанія громоздкой и сложной постройки вотъ уже въ продолженіе столькихъ вѣковъ! Переходишь непрестанно мыслью отъ символа къ тому, что онъ такъ полно символизируетъ и не знаешь, чему больше удивляться, — тому ли каменному колоссу, около котораго стоишь и которымъ любишься, или тому обширному и сложному строенію, которое воздвигается вотъ уже много вѣковъ и захватываетъ свою площадь почти всё страны свѣта и которое называется католическою церковью...

Но вотъ проводникъ, наскучившій ожиданіемъ, выводитъ изъ раздумья указаніемъ на одну любопытную подробность, которая сразу разрушаетъ иллюзію: у самой кровли храма, среди колоннадъ и пристроекъ, онъ указываетъ какія-то странныя фігуры съ выраженіемъ отверженія и угрозы на сумрачномъ челѣ, которыя какъ-бы приросли къ храму всёмъ своимъ грузнымъ тѣломъ: кажутся, хотять и не могутъ отъ него отдѣлиться. „Это, — комментируетъ услужливый провожатый, — это злые духи, летающіе изъ храма“. Вотъ важное и правдивое дополненіе къ символу! И около католицизма вьются различные искусительные духи, которые, кажется, хотять и не могутъ отъ него оторваться. Да и хотять-ли?...

За Кельномъ западный городъ принимаетъ иную, чисто католическую фізіономію. Встрѣчаются патеры въ своихъ типичныхъ широкополыхъ шляпахъ. Порою проходитъ доминиканецъ въ сандаляхъ, во вретисѣ, препоясанный грубоватымъ поясомъ и съ шапочкою особаго покроя (въ родѣ ермолки) на головѣ. Въ окнахъ магазиновъ священной утвари выставлены скульптурныя фігуры католическихъ святыхъ, которыя сначала положительно смущаютъ непривычный глазъ своею пластичностью и рельефностью очертаній. На дверяхъ, при входѣ въ храмъ, еще и доселѣ можно иногда прочесть текстъ индульгенціи, обещающей за такіе или иные благочестивые подвиги отпущеніе грѣховъ — и самимъ молящимся и душамъ ихъ находящихся въ

чистилицѣ сродниковъ (индугенціи въ нашъ-то скепти-
ческій девятнадцатый вѣкъ! ¹⁾). А въ самыхъ храмахъ!
Здѣсь сразу и непосредственно чувствуется, что католикъ
живетъ иною жизнью сравнительно съ протестантомъ. вмѣсто
монотоннаго погруженія въ себя протестанта, католикъ
живетъ какъ-бы внѣ себя, — такъ сказать, выноситъ свое,
не иссушенное, но за то и по весьма просвѣтленное
мыслью чувство, свое благочестіе, свою религіозную на-
строенность наружу и проявляетъ его конкретно — прежде
всего въ различныхъ вещественныхъ приношеніяхъ особенно
чтимымъ святымъ, каковыми приношеніями (дощечками съ
надписями, изображеніями исцѣленныхъ частей тѣла и пр.)
обыкновенно увѣшаны въ храмахъ всѣ стѣны около изобра-
женія святаго. А какъ пестры, такъ сказать нарядны, съ
какою помпою выполняются разнообразныя и многочислен-
ныя католическія процессіи! Кажется, все разсчитано на
глазъ и на воображенію. Повсюду конкретность и пласти-
ка, которая особенно бросается въ глаза послѣ сдержан-
наго, подобраннаго нѣмецкаго города...

Вотъ и Парижъ. Среди всевозможныхъ соблазновъ и
искушеній, которыя представляетъ культурному и некуль-
турному человѣку этотъ новый Вавилонъ, католицизмъ раз-
вертываетъ всѣ свои силы, употребляетъ всѣ свои средства
для борьбы со врагомъ и, — надо правду сказать, — изум-
ляетъ и своею энергіею, и своимъ искусствомъ, и своею
настойчивою неутомимостью. Кажется, присутствуешь здѣсь
при какой-то рѣшительной битвѣ, которой не замѣчаешь

¹⁾ Вотъ, наприм., текстъ такого объявленія объ индугенціи, увоен-
ной кат. церкви въ *Трувилль*, списанный нами лично.

Église Notre-Dame de Bon-Secours de Trouville-sur-Mer.

Cette église jouit du précieux privilège de l'indulgence plénière de la
portioncule. Cette indulgence peut être gagnée chaque année depuis 2 heures
de l'après-midi du 1-er août, jour de la fête des chaînes de Saint-Pierre,
jusqu'au coucher du soleil du 2 août, par tous les fidèles qui, contrits,
confessés, communies visitent cette église et y prient aux intentions du
Souverain Pontife.

Elle se gagne autant de fois qu'on renouvelle la visite.

Elle est applicable aux âmes du Purgatoire.

Le curé de N.-D.-de Bon-Secour.

A. Le Toururier.

только потому, что боевыя силы раскинуты на слишкомъ большомъ пространствѣ, и самыя горячія схватки не тамъ, гдѣ ты. Двѣ исполинскія силы встали другъ противъ друга, вступили въ борьбу и, хотя пока еще очень трудно сказать, которая изъ нихъ побѣдитъ и оттѣснитъ другую, однако уже съ перваго взгляда очевидно, что силѣ безбожной культуры, быть можетъ, превосходящей своею численностью, противостоитъ хорошо вооруженный и организованный противникъ, съ которымъ во всякомъ случаѣ нужно серьезно считаться.

Католическая армія хорошо *организована*. Чрезъ епископовъ, этихъ „генераль-лейтенантовъ папы“, всѣ католическіе патеры и монахи, а за ними и міряне, подчинены власти верховнаго вождя и главы, воля котораго—священный законъ. Армія хорошо *обучена*. Кромѣ семинарій, у католиковъ есть институты (высшія учебныя заведенія), въ которыхъ разрабатываются и преподаются съ строго католической точки зрѣнія *всѣ отрасли человѣческаго знанія*, а не одно богословіе ¹⁾; у нихъ есть огромныя, по истинѣ универсальныя энциклопедіи ²⁾, журналы, компендіумы и курсы, изъ которыхъ желающіе могутъ получать свѣдѣнія по всѣмъ, безъ исключенія отраслямъ знанія и притомъ въ строго католическомъ духѣ и освѣщеніи. Далѣе, эта армія хорошо *поставлена матеріально*. Кромѣ случайныхъ поступлений и доходовъ, которые въ богатыхъ приходдахъ достигаютъ весьма значительной цифры (наприм., доходъ настоятеля въ церкви св. Маріи Магдалины, l'Église de la Madeleine, по исчисленію Тэна, достигаетъ до 40,000 фр. ежегодно ³⁾), — кромѣ этихъ случайныхъ поступлений каждый настоятель и викарный священникъ получаетъ определенное, довольно приличное жалованье, которое одно, безъ стороннихъ доходовъ, даетъ ему возможность въ матеріальномъ отношеніи стоять на ряду съ чиновниками средняго разряда ⁴⁾. Само собою понятно, что все это въ

1) Парижскій кат. институтъ есть тоже, что нашъ университетъ: въ немъ всѣ факультеты (филол., математ., юридическій).

2) Такова напр., *Encyclopédie théologique—въ 171 томахъ!*

3) Тэнъ, *op. cit.*, p. 482, примѣч. 2-е.

4) *Ibid.* Викарные священники получаютъ во Франціи отъ 900 до 1300 фр. въ годъ, смотря по лѣтамъ; настоятели (curés) 2-го класса отъ 1200

совокупности, — и сознание патера или епископа, что за ними стоитъ ихъ могущественный повелитель и защитникъ, и хорошая подготовленность, и солидное матеріальное положеніе, — все это сообщаетъ имъ увѣренность въ себя, въ своемъ дѣлѣ, смѣлость и независимость.

Трудно забыть впечатлѣніе этой несокрушимой увѣренности въ своей силѣ, которая энергично выступила предо мною, когда въ соборѣ Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris) я впервые слушалъ проповѣдь знаменитаго католическаго проповѣдника, Монсеньёра *Д'Юльста* (ученый ректоръ католическаго института, соперникъ Дидона по проповѣднической славѣ). Былъ вечеръ страстной среды ¹⁾. Мелодичный и сильный звукъ большаго колокола, разливавшійся изъ башни собора Парижской Богоматери возлѣщала о началѣ службы. Вхожу вмѣстѣ съ толпою и къ своему удивленію узнаю, что немногія, остающіяся за исключеніемъ *откупленныхъ заранѣе*, мѣста, нужно было *покупать* (по цѣнѣ, впрочемъ, недорогою—20 сант.). Купилъ, конечно. Спрашиваю: что это значитъ? — „Сегодня, отвѣчаютъ, говоритъ Монсеньёръ Д'Юльстъ“. Сажусь и начинаю разсматривать слушателей: здѣсь былъ весь парижскій beau monde — нарядный и элегантнѣйшій. Вотъ появляется митрополитъ въ красной тогѣ, за нимъ сонмъ подчиненнаго ему духовенства и занимаютъ свои мѣста. Наконецъ и проповѣдникъ. Это—сухощавый старикъ (не очень, впрочемъ, старый), съ весьма выразительнымъ лицомъ, съ тонкими чертами и энергичными манерами. Онъ занялъ свое „гнѣздо“, какъ я мысленно называю проповѣдническую кафедру католическихъ храмовъ, и мгновенно все превратилось въ напряженный слухъ. Раздались звуки не особенно сильнаго, но отчетливаго и проникновеннаго голоса. Онъ говорилъ, конечно, безъ тетрадки, говорилъ долго (болѣе часу), лишь на минуту останавливаясь, чтобы отпить глотокъ воды, сопровождалъ свою рѣчь выразительными жестами. Это была не проповѣдь, а лекція, хорошо расчле-

до 1300 фр.,—1-го кл. отъ 1500 до 1600 фр.; каноники (chanoines) и настоятели-протоіереи (curés archiprêtres) отъ 1600 до 2400 фр.; vicaraires епископы отъ 2500 до 4000 фр.

¹⁾ Пасха въ 1892-мъ году у католиковъ совпадала съ нашей.

ненная и, какъ говорятъ, „обточенная“. Рѣчь шла о внутренней миссиі, — о воспитаніи народа въ духѣ католичества: выяснялась обязанность каждаго католика содѣйствовать Церкви въ этомъ дѣлѣ, и проповѣдь закончилась приглашеніемъ къ пожертвованію. Не смотря на этотъ послѣдній, довольно деликатный мотивъ проповѣди, не смотря на ея продолжительность и пожалуй даже сухость, проповѣдникъ сначала и до конца владѣлъ своею аудиторіею, — и именно, какъ мнѣ казалось, потому, что проповѣдь была сказана съ необычайною силою внутренняго убѣжденія и какъ-бы права, — безапелляціоннаго права проповѣдника — на вниманіе слушателей, которое давалось ему и предметомъ, и положеніемъ, и личнымъ отношеніемъ къ вопросу. Правда, Монсенёръ Д'Юльсть — знаменитый проповѣдникъ, и долю его успѣха, конечно, нужно было отнести на счетъ его личнаго ораторскаго искусства; но кое-что несомнѣнно оставалось и на долю авторитета католическаго проповѣдника вообще, его увѣренности въ силѣ того института, которому онъ служитъ, въ живучести того организма, частью котораго онъ является: слыхалъ я и послѣ католическихъ проповѣдниковъ, менѣе искусныхъ и совсѣмъ неискусныхъ, но та же смѣлость и та же увѣренность. Очевидно, это свойство — общее, родовое, воспитываемое какими нибудь постоянными причинами и вліяніями и, кажется, что они объясняются именно совокупностью указанныхъ выше причинъ, конечно, при общей у католическихъ проповѣдниковъ со всѣми другими увѣренности въ истинѣ возвѣщаемаго ученія.

Казалось-бы при такихъ условіяхъ духъ католическаго христіанства долженъ былъ проникать и направлять всю жизнь католическаго запада, во всѣхъ ея подробностяхъ, со всѣхъ сторонъ, во всемъ объемѣ. И однако, вотъ что говоритъ, напримѣръ, знаменитый современный социологъ, горячій патріотъ и вѣрный сынъ католической Церкви, Анатолий Леруа-Болье: „Несчастіе, великое несчастіе нашей Франціи состоитъ въ томъ, что церковь уже не имѣетъ больше власти надъ массами, что, въ нашихъ предмѣстьяхъ особенно, Евангеліе есть книга почти совсѣмъ неизвѣстная, какъ будто-бы она никогда и не переводилась съ греческаго, что народъ, который нѣкогда у подножія Распятаго

искалъ силы и утѣшенія, теперь не идетъ болѣе ко Кресту и не ищетъ облегченія подъ его сѣнью“. У Франціи много всякихъ мнимыхъ связей, но нѣтъ связи единственно истинной и реальной—нѣтъ связи нравственной, духовной. „Чему подобна она, наша Франція, —спрашиваетъ далѣе знаменитый публицистъ, —Франція, столь гордая своею прочностью? Подобна зданію, сложенному изъ однихъ камней безъ цемента. Цементомъ служила религія: онъ выпалъ и вотъ мы не знаемъ, чѣмъ, какимъ связующимъ составомъ замѣнить его“¹⁾. А вотъ и другое свидѣтельство, такъ сказать, изъ другаго лагеря, —свидѣтельство извѣстнаго историка, философа и публициста (недавно скончавшагося), Тэна: „во Франціи, —говоритъ онъ, заканчивая послѣднюю часть своихъ мастерскихъ этюдовъ о „возсозданіи Франціи въ 1800 г.“, — во Франціи къ христіанству снова прониклись любовью въ монастыряхъ (послѣ погрома, который принесла революція конца прошлаго столѣтія), но *охладѣли въ міру*, хотя въ міру-то именно и нужна теперь его согрѣвающая теплота“²⁾.

Не легко, какъ извѣстно, проникнуть въ католическіе монастыри, а проникнувъ, не легко узнать ихъ сокровенную жизнь, и мы не беремся судить объ ней. Если вѣрить Тэну, французская революція конца прошлаго столѣтія подѣйствовала на монастырскую жизнь благотвительно: отнявъ у монаховъ различныя внѣшнія прерогативы, она заставила уйти изъ монастырей всѣхъ тунеядцевъ и карьеристовъ, такъ что теперь будто-бы въ нихъ остаются лишь люди по призванію, которые молятся и трудятся, —трудятся на всѣхъ возможныхъ поприщахъ благотворительности и служенія человѣчеству, безъ всякихъ стороннихъ мотивовъ, безъ всякихъ честолюбивыхъ или властолюбивыхъ стремленій. Даже пріоры современныхъ монастырей ничѣмъ будто бы не отличаются отъ всей остальной братіи, несутъ всѣ тяготы и невзгоды монастырской жизни наравнѣ со всѣми, такъ что монастыри являются въ глазахъ Тэна истиннымъ осуществленіемъ „теоретическаго идеала социалистовъ, республи-

1) *Anatole Leroy-Beaulieu: la Papauté, le Socialisme et la Démocratie*, 1892 pp. 243—4.

2) Taine, *op. cit.*—девизъ.

кою чисто спартанскою“¹⁾). Мы не можемъ, говорю, провѣрить всего этого и намъ приходится въ данномъ случаѣ вѣрить Тэну на слово. Но за то другая половина тезиса, — замираніе католичества или точнѣе охлажденіе къ нему, ослабленіе его вліянія въ міру и вступленіе на его мѣсто иныхъ, чисто языческихъ началъ жизни, — этотъ тезисъ выступаетъ предъ нами повсюду въ своей неопровержимой печальной истинности. Спутанность понятій о честномъ и безчестномъ, дозволенномъ и недозволенномъ, истинномъ и ложномъ, приличномъ и неприличномъ заявляетъ себя въ слишкомъ громкихъ и слишкомъ краснорѣчивыхъ фактахъ послѣдняго времени, чтобы обо всемъ этомъ нужно было еще говорить. Краснорѣчивое, хотя и неопредѣленное свидѣтельство этихъ фактовъ подтверждается, далѣе, болѣе точными показаніями статистики. Она говоритъ, наприим., что въ настоящее время въ Парижѣ, изъ двухъ милліоновъ католиковъ лишь 100,000 исполняютъ свой долгъ (говѣютъ, приобщаются, освящаютъ событія своей жизни церковнымъ благословеніемъ и молитвою и т. д.). Это составляетъ около 5% (при чемъ изъ пяти человекъ, исполняющихъ свой долгъ католика, четыре женщины и одинъ мужчина): пять настоящихъ католиковъ на сто номинальныхъ — это, конечно, очень не много! Далѣе, изъ тѣхъ-же статистическихъ данныхъ мы узнаемъ, что изъ ста погребеній въ Парижѣ (въ средѣ католиковъ) около 20 чисто гражданскихъ, т. е. производимыхъ безъ совершенія церковнаго чинопослѣдованія; изъ сотни браковъ — гражданскихъ 25; изъ сотни родившихся 24—5 остаются не крещеными и т. д. въ такой-же пропорціи. Предположимъ, что въ провинціи процентное отношеніе номинальныхъ и настоящихъ католиковъ измѣняется къ лучшему (послѣднихъ больше въ 2—3 раза)²⁾; но въ общемъ все же получается нѣчто мало утѣшительное, — нѣчто такое, что никакъ не отвѣчаетъ первымъ впечатлѣніямъ.

Чѣмъ-же объяснить это странное явленіе? Объяснять его, конечно, каждый по своему. Католикъ сошлетъ на внѣшнія соціально политическія условія существованія ка-

1) Taine, op. cit., p. 486.

2) Ibid., pp. 513—5.

толической церкви во Франціи: сторонникъ культуры, вѣрующій въ ея обновляющее и благодѣтельное вліяніе на жизнь, въ ея способность замѣнить религію, обвинить саму церковь. Выслушаемъ эти любопытныя объясненія занимающаго насъ факта.

Прежде всего сами католики и ихъ друзья указываютъ въ объясненіе уменьшенія вліянія религіи на массы, на то же, на что указывали въ объясненіе этого факта и благомыслищіе и дальновидные люди Германіи ¹⁾,—на оторванность населенія отъ почвы, отъ земли и отъ семейнаго очага, на развращающее вліяніе культуры, на отупляющее дѣйствіе поденной работы, приковывающей къ станку и машинѣ. Къ этому въ республиканской Франціи присоединяется еще особое обстоятельство: на выборахъ за послѣднее время все болѣе и болѣе получаетъ власть партія враждебная религіи, которая образуетъ какъ-бы цѣлую „антихристіанскую секту“ (la secte antichrétienne), овладѣла если не довѣріемъ, то по крайней мѣрѣ волею и голосами избирателей въ парламентѣ (въ палатѣ депутатовъ) и ловко направляетъ ихъ въ свою сторону. „Эта антихристіанская секта,—говоритъ аббатъ Брогли,—стоитъ теперь у власти, располагаетъ бюджетомъ Франціи, держитъ въ своихъ рукахъ общественное образованіе; можетъ создавать и измѣнять по своей прихоти законы; можетъ употреблять всѣ государственныя силы для удовлетворенія своей ненависти и страсти, не находя для себя ни въ чемъ и никакого препятствія. Слѣдовательно,—выводитъ отсюда ученый аббатъ,—если мы видимъ во Франціи ослабленіе вліянія религіи, то виновата въ этомъ единственно та животная и лицемѣрная сила, которая опирается на дурныя страсти и низкія чувства массъ; виновата борьба противъ церкви, ожесточенная, систематическая и непрерывная; виновата сознательная и безсознательная работа стоящихъ у власти фанатиковъ антихристіанской секты, которая мало по малу ведетъ къ *дехристіанизациі Франціи* (déchristianisation de la France)“. И что особенно ухудшаетъ это положеніе дѣла,—продолжаетъ онъ свои размышленія,—такъ это то, что многія обстоятельства весьма затрудняютъ защиту церкви

¹⁾ См. наше четвертое „письмо“ (Богосл. Вѣст.—Іюль).

противъ ея противниковъ: наприм., дѣйствующія постановленія запрещаютъ церкви въ предѣлахъ той или другой мѣстности расширять сферу своего вліянія посредствомъ увеличенія числа клириковъ или посредствомъ концентраціи ихъ силъ въ лицѣ новаго епископа. Наконецъ, самая значительная опасность для церкви въ современномъ положеніи вещей состоитъ въ томъ, что враги церкви могутъ истощить почву, которая теперь пока еще дастъ достаточное число лицъ, желающихъ посвятить себя духовному званію. Эта послѣдняя опасность грозитъ церкви не только во Франціи, но косвенно и во всей вселенной, такъ какъ Франція есть самая вѣрная цѣль и самая значительная католическая страна ¹⁾).

Въ томъ же тонѣ и направленіи, хотя съ иной нѣсколько точки зрѣнія смотреть на современное положеніе католичества во Франціи и упомянутый уже нами соціологъ, Леруа-Больё. Два лица,—разсуждаетъ знаменитый соціологъ,—всего болѣе нужны современной западной Европѣ и особенно Франціи, имѣютъ, или, по крайней мѣрѣ должны имѣть въ ней самое большое значеніе: офицеръ и священникъ. Но къ сожалѣнію первый *не знаетъ*, какъ выполнять свое дѣло и чего нынѣ отъ него особенно хотятъ и ожидаютъ; а послѣдній *не смѣетъ* исполнять то, что знаетъ и сознаетъ, какъ свой долгъ. Офицеръ видитъ въ солдатѣ только внѣшнюю сторону, тѣло или точнѣе животное, способное къ выполненію различныхъ техническихъ пріемовъ и работъ и забываетъ, что подъ солдатскою каскою бродятъ идеи, что подъ солдатскою курткой бьется сердце, которое живетъ своими чувствами, водится своими симпатіями и антипатіями и что для военнаго успѣха эти идеи и чувства имѣютъ значеніе, быть можетъ, несравненно болѣе, чѣмъ ружья и техническіе пріемы. Говоря иначе, онъ не заботится о душѣ солдата, заботясь лишь о его тѣлѣ, и предоставляетъ эту заботу священнику (*le prêtre*). А этотъ послѣдній? Онъ соглашается, что это—его обязанность, помнить, что на него возложено попеченіе о душахъ и считаетъ это прямымъ своимъ дѣломъ; но при современномъ строѣ вещей онъ долженъ ждать, пока нуждающіеся въ его духовной

¹⁾ L'abbé de Broglie: le présent et l'avenir du catholicisme en France, 1892. pp. 222. 251—3.

помощи сами придутъ къ нему, и не осмѣливается (?) идти къ тѣмъ, которые, быть можетъ, всего болѣе нуждаются въ его словахъ, но которые никогда не услышатъ его, такъ какъ забыли, а пожалуй и вовсе не знали дороги въ церковь. „Вотъ почему,—продолжаетъ названный публицистъ-соціологъ,—и патеръ, какъ офицеръ, погружается въ мелочное и механическое выполненіе своихъ профессиональныхъ обязанностей. Онъ думаетъ, что сдѣлалъ свое дѣло, если пропѣлъ вечерню или спросилъ дѣтей изъ катехизиса. Изъ своей высокой миссіи такимъ образомъ онъ безсознательно дѣлаетъ ремесло. Онъ почти уже не понимаетъ ея соціальной важности или, если и понимаетъ, то считаетъ неудобнымъ, даже пожалуй попозволительнымъ проявлять это свое пониманіе на дѣлѣ. Изгнанный изъ школы, исключенный изъ всѣхъ благотворительныхъ бюро, подозрительный въ глазахъ администраціи, которая смотритъ на него взглядомъ неблагоклоннымъ, а иногда и прямо съ ненавистью, обходимый, въ качествѣ компрометирующаго сосѣда, всѣми мелкими государственными чиновниками, постоянно выслѣживаемый шпионами, подверженный непрерывнымъ анонимнымъ доносамъ и оскорбленіямъ въ мѣстныхъ листкахъ,—патеръ мало-по-малу заключаетъ въ свою перковь или въ свой пресбитеріумъ (священнический домъ), со своимъ служебникомъ и книгами, вполне довольный и счастливый, что объ немъ забыли. Онъ живетъ молчаливымъ отшельникомъ, который не всегда осмѣливается заглядывать за ограду своего сада. Міръ для него запертъ,—не только обширный міръ большихъ городовъ съ ихъ притупляющею и лихорадочною сутолокою,—но и маленькій, погруженный въ сонъ и дремоту мірокъ провинціи и деревни. Наши предрасудки запрещаютъ ему вмѣшиваться въ жизнь, и такимъ образомъ онъ, человѣкъ самопожертвованія по призванію, мало по малу привыкаетъ жить эгоистическимъ холостякомъ, который не заботится ни о чемъ, кромѣ своего дешеваго благополучія, мельчаетъ и справляется лишь съ тѣмъ, „не говорятъ-ли о немъ чего дурнаго“. По утрамъ онъ вычитываетъ въ церкви предъ голыми скамьями свое *oratus*, по вечерамъ подстригаетъ и подвязываетъ свои розаны или поливаетъ капусту... И однако у него, у этого теперь почти бесполезнаго патера,

было вѣдь когда-то свое важное практическое дѣло, своя соціальная роль и тамъ, гдѣ мѣстные обычаи еѣ за нѣмъ сохранили, гдѣ общественное мнѣніе не наложило еще на нее запрета,—тамъ семейство крестьянина или ремесленника, отецъ, ребенокъ, юноша, вдова и старикъ все еще охотно идутъ къ нему за совѣтомъ: онъ является для нихъ примирителемъ и устройтелемъ ихъ семейныхъ дѣлъ и затрудненій. Но теперь—увы!—онъ выступаетъ въ этой роли весьма рѣдко. Это вліяніе его почти повсюду уже исчезло и всѣ усилія администраціи, публичнаго образованія, популярной прессы, кажется, направлены именно къ тому, чтобы свести къ нулю и уничтожить совѣмъ это значеніе патера. А угодно-ли знать,—спрашиваетъ далѣе публицистъ, —кто заступилъ у насъ мѣсто священника и, вмѣсто него, сталъ обыкновеннымъ совѣтникомъ народа, особенно рабочихъ? Открыть этого замѣстителя не трудно. *Это кабинетчикъ!!* Около кабака обыкновенно собираются рабочіе и здѣсь именно постановляютъ свои рѣшенія. Такимъ образомъ, чтобы ни говорилъ папа и въ своихъ энцикликахъ и *черезъ* своихъ кардиналовъ и *черезъ Petit Journal*, — чтобы ни говорилъ о томъ, что Церковь будто-бы „не имѣетъ ничего не совмѣстимаго съ республикою“—дехристианизация народа является главною и существенною задачею республики. Пигилизмъ проникаетъ повсюду и медленно высасываетъ кровь нашихъ общественныхъ установленій и постепенно проникаетъ въ глубь до самаго сердца страны. Бѣдная Франція! Ея обмиршеніе несетъ ей гибель“ ¹⁾...

Таково положеніе дѣла и таковы его причины, какъ ихъ выясняютъ друзья и доброжелатели папы, заинтересованные, конечно, тѣмъ, чтобы снять со святѣйшаго отца за это положеніе всякую отвѣтственность. Но нельзя не замѣтить, что здѣсь указана лишь часть причины современнаго печальнаго положенія католичества во Франціи. Правда, у религіи, съ ея суровыми и докучливыми призывами, есть вѣчный врагъ, который всегда съ нею борется,—это людскія страсти. Въ той или другой формѣ онъ всегда пытается отбить у ней территорію, власть надъ людскими умами и сердцама, и Франція, съ ея настоящимъ респуб-

1) *Leroy-Beaulieu*, op. cit. 244--251, passim.

ликанскимъ режимомъ, представляетъ лишь наиболѣе напряженную и острую форму этой борьбы съ религіею ея исконнаго врага. Но исчерпывается-ли этимъ дѣло? Нѣтъ-ли специальныхъ причинъ охлажденія въ современной Европѣ къ католической церкви? Есть, и на нихъ не совчерашняго дня стали указывать. „Пассивное присутствіе за мессою, которая совершается по латыни; церемоніи, символическій смыслъ которыхъ почти уже ни для кого не понятенъ; машинальное повтореніе въ строго установленные сроки непонятнаго *Pater noster* и *Ave Maria*“,—эти и подобныя особенности католичества, превращающія его во что-то внѣшнее, въ какое-то подобіе религіи волшебства и заклинаній съ непонятными формулами, особенности, о которыхъ, какъ о причинахъ современной „дехристіанизациі“ Франціи снова напомнилъ въ недавнее время Тэнъ, въ своей любопытной, упомянутой уже выше монографіи ¹⁾,—эти и подобныя особенности, конечно, еще не все, хотя и они выполняютъ въ созданіи выше очерченнаго печальнаго положенія дѣлъ свою долю вліянія. За ними кроется другая, болѣе глубокая и общая причина этой „дехристіанизациі“, которая коренится въ самомъ духѣ католичества, въ его основномъ характерѣ, въ томъ коренномъ противорѣчьи, которое срослось съ самымъ существомъ католической церкви и безъ котораго она стала почти невысказима. Начавъ неразумною заботою о достиженіи *божественныхъ* цѣлей *человѣческими* средствами, она мало-по-малу пришла къ тому, что переставила отношенія и, наоборотъ, стала стремиться къ достиженію своихъ *человѣческихъ*, земныхъ цѣлей *богоположенными* средствами, — стала преслѣдовать свою власть и пользу во имя Христа и духовнаго блага народовъ. Вся ея исторія проходитъ въ томъ, что прямо или косвенно, силою или политикою она стремится обезпечить за собою права и вліянія не на одну только духовную, но на всю вообще—политическую, государственную и общественную жизнь народовъ. Само собою понятно, что и къ ней въ свою очередь мало-по-малу привыкали относиться, какъ къ внѣшней силѣ, и довѣріе къ ней, вѣру въ нее во имя Христа, измѣнили на политику съ

¹⁾ *Taine*, op. cit., p. 513.

нею: взявши мечъ, она отъ меча и гибнетъ. Свою страстию смѣшивать религію съ политикою, сферу церковную со сферою гражданскою, она возбудила противъ себя всеобщее неудовольствіе и накликала на себя бѣды и ея современное паденіе, ослабленіе ея вліянія въ только что указанномъ ея характерѣ имѣеть едвали не главную свою причину. Этотъ исконный характеръ католичества съ особенною ясностью проявился въ послѣднее время въ двойкой „эволюціи папства“, выражаясь языкомъ современныхъ историковъ и соціологовъ, — *республиканской и соціально-демократической*.

Я уже говорилъ въ своемъ предыдущемъ письмѣ о „*республиканской* эволюціи“ католичества, — о томъ, какъ оно нашло возможнымъ признать, что республика, какъ республика, какъ форма правленія, „не представляетъ ничего несогласнаго съ католичествомъ“, не хуже и не лучше всякой другой формы правленія. Теперь позволю себѣ остановить вниманіе читателя лишь на другой сторонѣ этой ея эволюціи — на „эволюціи соціально-демократической“.

Завершительнымъ моментомъ этого послѣдняго, уже давно подготовлявшагося, явленія служить извѣстная энциклика папы *Reverentiam* (*De conditione odiosissima* отъ 15-го Мая 1891 г.). Это, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ историческихъ документовъ нашего столѣтія. Движеніе, вызванное имъ въ современныхъ политическихъ и научно-литературныхъ сферахъ, громадно. Одни поспѣшили сдѣлать изъ энциклики своего рода догматику или соціально-политическій катехизисъ (такъ, напр., одинъ французскій аббатъ, Монсенъеръ Лекко, архіепископъ Бордосскій, написалъ по энцикликѣ катехизисъ, содержащій въ себѣ ни больше, ни меньше, *какъ 136 вопросовъ и отвѣтовъ!*); другіе, ученые свѣтскіе, поспѣшили выразить святѣйшему отцу свое полное уваженіе и солидарность, такъ сказать, поставить подъ его энцикликою свое „аминь“ — удивленіе къ его вѣрному пониманію соціально-экономическихъ вопросовъ¹⁾; иные, даже и не раздѣляя или не вполне раздѣляя взгляды папы, удивились смѣлости и рѣшительности

¹⁾ Журналъ *L'économiste français* отъ 3 окт. 1891 г. См. у Болье, стр. 86.

шага, равно какъ и обнаруженному въ энцикликѣ искусству обходить скользкіе пути ¹⁾).

Чѣмъ же, собственно, въ энциликѣ вызвано это движеніе? Что, собственно, она возвѣщаетъ? Чѣмъ явилась она въ глазахъ изумленнаго свѣта? Энциклика, по энергичному выраженію Леруа Больё, это — „поцѣлуй Христа бѣднымъ, лобзаніе и объятіе народа Церковію“ (с'est un baiser du Christ à ses pauvres et l'embrassement du peuple par l'Église). Во имя Христа, возлюбившаго паче всѣхъ и призывающаго къ Себѣ прежде всего труждающихся и обремененныхъ, папа становится всенародно за пролетаріатъ, за униженныхъ и обездоленныхъ бѣдняковъ и паріевъ, которыхъ одни избѣгаютъ, другіе презираютъ, третьи боятся и считаютъ необходимымъ всѣми силами подавлять. Вотъ, чѣмъ является папа въ энциликѣ! Онъ идетъ на переکورъ общему мнѣнію, общему движенію всей культурной Европы. Развѣ это, — спрашиваютъ его друзья и приверженцы, — развѣ это не подвигъ самоотверженія, подсказанный любовью и ревностью о благѣ ближнихъ? Развѣ это не смѣлое слово, достойное всякаго уваженія? Развѣ папа не является здѣсь болѣе, чѣмъ въ чемъ либо другомъ, самимъ собою, намѣстникомъ Христа, полновластнымъ строителемъ судебъ человѣчества? „Конечно“, поспѣшили отвѣтить со всѣхъ сторонъ. Но.... дальнзоркіе и проникательные разглядѣли и обратную сторону медали, и за дѣломъ челоуѣколюбія во имя Христова безошибочнымъ чутьемъ почуяли „соціально-демократическую эволюцію папства“, — хорошо рассчитанный политическій шагъ, желаніе воспользоваться историческимъ моментомъ для своихъ цѣлей, для своего утрачиваемаго вліянія, новою соціальною силою, „четвертымъ сословіемъ“, которое получаетъ теперь все большее и большее вліяніе и значеніе въ соціально экономической и политической жизни народовъ.

Постепенно оттѣсняемое отъ мірскихъ дѣлъ, мало по малу лишаемое вліянія на политическую исторію народовъ, теряя прерогативу за прерогативою, папство давно и внимательно всматривается въ обпирный, разстилающійся предъ

¹⁾ Сюда относится прежде всего самъ авторъ уже не разъ цитованный нами талантливой монографіи: *Papauté* etc.

его взорами горизонтъ, отыскивая для себя болѣе надежную опору и менѣе вѣроломныхъ, чѣмъ монархи и ихъ властительные канцлеры, союзниковъ. И вотъ оно разглядываетъ на исторической аренѣ новую, дотолѣ невѣдомую личность, новую историческую силу—демократію. Эта сила не страшна для папства, какъ страшна она для свѣтскихъ владыкъ. Чего бояться? Вѣдь свѣтское могущество у него отнято не этимъ новымъ пришельцемъ, а старыми династіями, которыя оно само-же и помазывало когда-то на царство. Напротивъ, не есть-ли этотъ, враждебно настроенный къ единодержавнымъ свѣтскимъ владыкамъ, пришлецъ наиболѣе надежный и желанный союзникъ папы? Не связываетъ-ли ихъ борьба съ общимъ врагомъ? Не въ общемъ ли ихъ интересъ, поэтому, подать другъ другу руки? Уже давно и съ разныхъ сторонъ, по разнымъ побужденіямъ и мотивамъ приглашали папъ „вступить за поруганный и угнетенный бѣдный народъ“. Сень-Симонисты и ревностные католики сходились въ этихъ пожеланіяхъ св. Отцу. „Ваши предшественники, — писалъ, напримѣръ, Сень-Симонъ папѣ еще въ 1825 г., — *достаточно улучшили (sic) теорію христіанства*. Вамъ нужно теперь озаботиться ея примѣненіемъ. Истинное христіанство должно сдѣлать людей счастливыми не только на небесахъ, но и на землѣ. Недостаточно проповѣдывать, что бѣдняки суть возлюбленные чада Божіи. Нужно еще энергично всѣми силами и всѣми средствами, которыми располагаетъ воинствующая церковь, заботиться о томъ, чтобы улучшить нравственное и физическое положеніе рабочаго класса“¹⁾. О томъ же напоминали папѣ и многіе другіе (Ля-Миз и особенно газеты *l'Avenir* и позднѣе *l'Ère nouvelle*). Сорокъ осьмой годъ съ его ужасами, обнаружившій истинную природу „четвертаго сословія“, на время было задержалъ „демократическую эволюцію папства“. Но разъ пробудившись, она не могла умереть совершенно и дѣйствительно она оживаетъ снова на нашихъ глазахъ. Пій IX, въ послѣднее время своего правленія особенно, отстранился отъ политическихъ дѣлъ. Онъ оставилъ авторитетъ престола упроченнымъ въ самой церкви, но ослабленнымъ внѣ ея: онъ былъ

1) У Бовье, стр. 6.

облеченъ сіяніемъ непогрѣшимости, но за то былъ лишенъ власти свѣтской, которую потерялъ въ борьбѣ чуть не со всеѣми государствами и владыками того времени. Левъ XIII захотѣлъ возвратить утраченную церковію свѣтскую власть папъ и самымъ лучшимъ средствомъ для этого, по видимому, призналъ демократію, союзъ съ нею. Когда въ наши дни потрясенный и взволнованный ожиданіемъ грознаго „соціалистическаго землетрясенія“ и „обвала культуры“ Западъ снова устремилъ свои взоры съ надеждою и тоскою ко всемогущему Риму, Римъ откликнулся снова, но онъ откликнулся не такъ, какъ ожидали: его откликъ смутилъ и изумилъ своею неожиданностію даже людей, подготовлявшихъ себя ко всякимъ неожиданностямъ. Нашъ маловѣрный вѣкъ, уже давно начавшій смотрѣть на христіанство и на религію, какъ на спеціальную, лишь болѣе тонкую форму полицейской власти,—этотъ міръ ожидалъ, что папа придетъ съ жезломъ желѣзнымъ и, смиритъ разбушевавшуюся чернь, что онъ будетъ грозить ей прещеніями и угрозами, будетъ смирать ее обѣщаніями небесной награды за земныя страданія, въ ожиданіи которой она должна спокойно смотрѣть, какъ разбогатѣвшая буржуазія пользуется благами жизни. Вотъ чего ожидали отъ папы. Но жестоко ошиблись: онъ заговорилъ совсѣмъ иначе, совсѣмъ инымъ, не привычнымъ для слуха современнаго культурнаго человѣка, языкомъ. Случилось нѣчто странное—нѣчто подобное тому, что случилось во дни пророка Валаама съ Валакомъ, царемъ Моавитскимъ. Валакъ призвалъ пророка Божія проклясть станъ израильтянъ и предотвратить нашествіе двѣнадцати колѣнъ на землю моавитянъ, а пророкъ призвалъ на нихъ благословеніе Божіе: такъ и папа нынѣ изумляетъ смятенный культурный міръ, произнося надъ соціаль-демократами не анаеому, которой ожидали, а участливое слово заботливости объ ихъ благѣ. „Хотите-ли, чтобы я вывелъ васъ изъ сухой и безплодной пустыни, гдѣ вы томитесь голодомъ и жаждою, слѣдуйте за мною“: вотъ какимъ тономъ заговорилъ онъ!...

Когда предстоятели церкви открываютъ уста, чтобы учить пасомыхъ, не этимъ послѣднимъ, конечно, говорить, чему и какъ ихъ нужно учить. Если папа обращается къ міру со словомъ заботливой непочительности о бѣдныхъ,

оскорбленныхъ и униженныхъ, кто скажетъ, что онъ поступать не такъ, дакъ должно, какъ ему повелѣваютъ исконныя традиціи церкви? Развѣ Церковь католическая, съ обычною своею страстностію и увлеченіемъ не привыкла издавна повторять, что она есть „собственно и прежде всего градъ бѣдныхъ“, въ которомъ богачи лишь „терпятся?“¹⁾ Развѣ не повторяютъ и доселѣ наиболѣе вліятельные и авторитетные члены ея, „что сила церкви—въ народѣ“ и что самъ Христосъ Спаситель „сдѣлалъ изъ соціального вопроса основаніе (?), самую суть Своего служенія?“²⁾ Итакъ, говоримъ, обратившись къ современному міру съ рѣчью, которая была для него неожиданностію, папа все-же оставался въ согласіи съ исконными традиціями въ отношеніи къ бѣднякамъ. Все это такъ. Но утрированная и доведенная до крайности традиція оправдываетъ-ли сквозящее въ энцикликѣ заискиваніе у демократіи, заискиваніе, котораго могутъ не вычитать въ ней развѣ лишь не желающіе? Этотъ тонъ и эта тенденція папскаго посланія становятся особенно замѣтны, если мы сопоставимъ его съ тѣми приѣмами демократовъ и вообще пилигримовъ изъ низшаго класса въ Ватиканѣ, о которыхъ почти ежедневно сообщаютъ теперь газеты,—съ тою сердечностію, съ тѣми пышными выходами и торжественными, специально для нихъ устрояемыми религіозными церемоніями, на которыя такъ щедръ теперь Ватиканѣ. Эти сердечные приемы, эти небывалыя торжества въ Ватиканѣ по случаю появленія тамъ простецовъ-пилигримовъ и энциклика *Reverentiam*,—явленія одного и того-же порядка, своего рода *captatio benevolentiae* у демократовъ. Вотъ почему, т. е. именно вслѣдствіе этой тенденціозности энциклики, она представляетъ какую-то смѣсь и производитъ какос-то двойственное впечатлѣніе: чисто христіанскія идеи, топкія разграниченія понятій, сферъ и точекъ зрѣнія, основательные научно-экономическіе выводы и сужденія являются въ ней какъ-бы въ несоотвѣтствующей оправѣ,—на фонѣ, окрашенномъ тенденціею въ сторону демократіи, и въ общемъ

1) *Bosnia* у *Beaulieu*, p. 30.

2) Какъ недавно заявилъ одинъ американскій католич. епископъ. *Ibid.*, p. 45.

все это очень нарушаетъ цѣлостность впечатлѣнія. Часто бываетъ довольно трудно отдѣлить, гдѣ кончаются слова ученика Христова, горящаго духомъ Его любви и руководящаго ею въ своихъ отношеніяхъ къ меньшей братіи, и гдѣ начинается говорить хитрый и ловкій политикъ, твердо намѣтившій и преслѣдующій свои политическіе цѣли и виды. Это, впрочемъ, общая черта папскихъ посланій: тѣмъ легче они вводятъ въ заблужденіе и подкупаютъ въ свою пользу кажущуюся вѣрностью духу ученія Христова, чѣмъ ближе по буквѣ къ нему и къ завѣтамъ первенствующей Церкви. Но ознакомимся съ этимъ любопытнымъ документомъ ближе ¹⁾.

Энциклика состоитъ изъ четырехъ частей. Первая посвящена разбору социализма, какъ теоретической доктрины; вторая—вопросу о социальномъ значеніи религіи и въ частности кат. Церкви; третья—выясненію нормальныхъ отношеній къ рабочему вопросу государства (о стачкахъ, о поденной платѣ, о числѣ суточныхъ рабочихъ часовъ, о воскресномъ отдыхѣ и пр.); наконецъ, четвертая—свободнымъ ассоціаціямъ и корпораціямъ рабочихъ, въ кокорыхъ папа видитъ желанное разрѣшеніе безпokoящаго западную Европу рабочаго вопроса.

Соціализмъ, какъ доктрину, какъ ее развивали Марксъ, Лассаль и др., папа рѣшительно отвергаетъ и подробно опровергаетъ. Онъ разсуждаетъ здѣсь главнымъ образомъ, какъ социологъ и политико-экономистъ: утверждаетъ на „естественномъ правѣ“ индивидуума, семьи и, наконецъ, самаго общества.—Соціалисты,—разсуждаетъ св. отецъ,—хотятъ исцѣлить порождаемое бѣдностью зло посредствомъ уничтоженія частной собственности, — посредствомъ передачи ея въ общее распоряженіе муниципалитета или государства. Но, во-первыхъ, возражаетъ папа, это вовсе не исцѣлило бы зла; во-вторыхъ это было-бы несправедливымъ посягательствомъ на законныя права собственниковъ; въ третьихъ, это извращало-бы функціи государства и вносило-бы разстройство во все социальное зданіе. Кто за плату отдастъ свои руки въ распоряженіе другаго, тотъ очевидно дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы что-нибудь заработать. И не въ правъ-ли онъ распорядиться заработанною платою такъ, какъ ему угодно—издержать ее тотъ-часъ-же или же превратить въ движимую и недвижимую собственность? Посягать на эту последнюю, желать сдѣлать изъ частной собственности коллективную, это значитъ ухудшать положеніе рабочаго, „отнимать у него свободу, распорядиться заработанною платою, а вслѣдствіе этого—и всякую надежду и даже возможность увеличить свое имущество и улучшить свое положеніе“. Но этого мало: превращеніе частной собственности, въ общую было-бы нарушеніемъ справедливости. Человѣкъ тѣмъ существенно отличается отъ животнаго, что, кромѣ чувственности

¹⁾ Подлинный (латинскій) текстъ и *официальный* французскій переводъ энциклики приложены къ книгѣ *Леруа-Волье* на концѣ, стр. 280—371.

(сензитивной способности), которая проявляется главнымъ образомъ въ инстинктахъ самосохраненія и продолженія рода, и которая у животнаго находитъ непосредственное удовлетвореніе въ окружающихъ предметахъ,— кромѣ этой способности человѣкъ обладаетъ еще господствующею силою разума. Именно во имя разума за человѣкомъ „должна быть признана не только *способность* временно пользоваться ви́шними предметами, но также и *право*—право твердое и постоянное,—*владѣть ими*“. Въ самомъ дѣлѣ, „человѣкъ обнимаетъ своимъ умомъ безконечное множество предметовъ, къ предметамъ настоящимъ присоединяетъ воши будущія и, такъ какъ онъ есть самъ владыка своихъ дѣйствій, то по вѣчному закону и подъ водительствомъ всеблагаго промысла, онъ самъ для себя въ нѣкоторомъ смыслѣ есть законъ и провиднїе (*se ipse gubernat providentia consilii sui*). Вотъ почему онъ имѣетъ право выбирать именно тѣ предметы, которые считаетъ для себя наиболѣе пригодными не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Отсюда слѣдуетъ, что онъ долженъ имѣть право не только на плоды земли, но и на самую землю, такъ какъ она предназначена къ тому, чтобы своимъ плодородіемъ обезпечивать его существованіе. Потребности человѣка возвращаются постоянно: удовлетворенныя нынѣ, онъ возвращается завтра съ новою силою. Необходимо слѣдовательно, чтобы природа дала человѣку нѣкоторый постоянный источникъ, изъ котораго-бы онъ могъ всегда добывать себѣ средства къ жизни. Но такого постоянства не представляетъ ничто, кромѣ самой земли съ ея естественными богатствами“ (плодородіемъ — *fertitas*). И пусть не ссылаются при этомъ на государство, которое будто-бы можетъ обезпечить человѣку существованіе: государство позднѣе человѣка. Пусть не говорятъ противники частной собственности, будто Богъ далъ землю въ общейъ обладашіе: Онъ не далъ ее, правда, никому въ частности и предназначилъ для всѣхъ, но онъ предоставилъ людямъ и народамъ самимъ размежеваться, сообразно со своими силами и искусствомъ (*industria*). Впрочемъ и будучи раздѣлена на частныя владѣнія, земля служитъ нуждамъ и потребностямъ всѣхъ. Каждый пользуется ея плодами за свои труды, прямо или косвенно относящіеся къ ея воздѣлыванію. Такимъ образомъ „частная собственность вполнѣ сообразна съ природою“. Кто употребляетъ на добываніе благъ природы изобрѣтательность своего ума и свой физическій трудъ, тотъ кладетъ на природу какъ-бы нѣкоторый отпечатокъ своей личности, такъ что „по всей справедливости, эта (носящая отпечатокъ его личности) часть природы отсѣлъ становится его личною собственностію и никто никакимъ образомъ не долженъ посягать на это его право“ (*non licet*). Воздѣланная человѣкомъ земля становится уже его неотъемлемою собственностію, ибо вложенный въ нее личный трудъ уже неотдѣлимъ отъ почвы. Вотъ почему это, утверждающееся на законѣ природы, естественное право собственности получаетъ свою санкцію и отъ авторитета „законовъ Божественныхъ“ (Второз. 5, 21—десятая заповѣдь).—Далѣе, право частной собственности утверждается на условіяхъ и обязанностяхъ, налагаемыхъ жизнью семейною. „Природа налагаетъ на отца семейства священнѣйшую обязанность питать и воспитывать своихъ дѣтей“. Но безъ собственности какъ выполнить эту обязанность? И не смѣетъ государство посягать на это право, потому что и логически и фак-

тически семья имѣетъ первенство предъ государствомъ (et cogitatione et re prior) и служить условіемъ самаго его существованія. Напротивъ, оно должно спѣшить семьѣ на помощь, если она впала въ нищету. Можетъ оно иногда становиться и на защиту правъ членовъ семьи относительно другъ друга, но не иначе, какъ въ случаѣ ихъ грубаго нарушенія, и никогда не должно, какъ того хотятъ социалисты, заступать мѣсто отца и распоряжаться по своему дѣтми. Это было-бы разрушеніемъ семейныхъ узъ и нарушеніемъ естественнаго права (contra justitiam naturalem): *дѣти суть какъ-бы часть отца* (illi sunt aliquid patris) и нѣкое расширеніе его личности“ (Томас Аквин.) и посему должны оставаться на его попеченіи и подъ его властію до тѣхъ поръ, пока не получаютъ способности къ свободному самоопредѣленію.—Наконецъ, доктрина социалистовъ, какъ уже сказано, посягая на естественное право человѣка, никакъ не можетъ его и осчастливить. Изъ нея вытекаетъ множество печальныхъ и гибельныхъ слѣдствій: „разстройство (perturbatio) во всѣхъ слояхъ общества; гнусное и не выносимое рабство для всѣхъ гражданъ; зависть, недовольство, раздоры; талантъ и искусство будутъ лишены стимуловъ и, какъ неизбѣжное слѣдствіе отсюда, богатства истощатся въ своихъ источникахъ, и въ концѣ концовъ, вмѣсто равенства, о которомъ мечтаютъ (социалисты), вмѣсто равенства въ пользованіи земными благами, получится лишь равенство въ нищетѣ, униженіи и бѣдности“.—Итакъ, заключаетъ св. отецъ, „соціалистическая теорія коллективной собственности должна быть абсолютно отвергнута“ и неприкосновенность частной собственности должна быть признана первымъ основаніемъ народнаго благополучія.

Во второй части энциклики, какъ сказано, папа разсуждаетъ о социальномъ значеніи хр. религіи и католической Церкви. — Помимо религіи и Церкви, вигдѣ нельзя найти окончательнаго разрѣшенія рабочаго вопроса: вотъ его основной тезисъ. Но что даетъ Церковь? Ея первый принципъ—призывъ къ терпѣнію: трудъ и страданіе неизбѣжны для человѣка на землѣ; они сопровождаютъ его отъ колыбели до могилы; было бы, слѣдов., тщетно пытаться какимъ нибудь способомъ избавить человѣчество, какъ этого хотятъ социалисты, отъ бѣдствій и страданій. Капитальная ошибка въ современной постановкѣ рабочаго вопроса, — разсуждаетъ св. отецъ далѣе, — есть мысль о томъ, будто бы богатые и бѣдные суть два противоборствующихъ класса, какъ-бы двѣ враждебныхъ арміи, которыя должны находиться между собою въ постоянной враждѣ. Нѣтъ ничего несправедливѣе этого. Какъ въ организмѣ члены находятся между собою въ равновѣсіи и гармоніи, такъ и въ обществѣ богачи и бѣдные самою природою предназначены къ гармоническому соединенію и совершенному равновѣсію. Они нуждаются и предполагаютъ другъ друга: „капитала нѣтъ безъ работы и работы безъ капитала“ (?). Христіанство и только оно одно владѣетъ истинными средствами уничтожить этотъ раздоръ и противоборство между богачами и бѣдными. Прежде всего оно *учитъ*, что у бѣдняка и богача, рабочаго и работодателя—у каждаго есть свои обязанности. Рабочій обязанъ соблюдать интересы своего патрона, не предъявлять чрезвычайныхъ требованій къ нему, избѣгать людей, которые внушаютъ ему различныя вздорныя идеи и возбуждаютъ противъ хозяина и т. д. Наоборотъ, хозяинъ обязанъ смотрѣть на рабочаго не какъ на орудіе на-

живы, но какъ на человѣка, и заботиться не только о его тѣлѣ, но и о душѣ,—наблюдать, чтобы его не развращали дурные люди, не давать ему непосильной работы, оплачивать, какъ должно его трудъ, не эксплуатировать его въ стѣненныхъ обстоятельствахъ и т. д. Указывая рабочимъ и работодателямъ на эти ихъ взаимныя обязанности, Церковь постоянно обращаетъ ихъ взоры къ небу и напоминаетъ, что отечество человѣка не здѣсь, не въ этой, но въ будущей жизни, что истинную цѣну имѣютъ не вѣщныя, а лишь внутреннія блага, что земное богатство совершенно бесполезно и даже вредно для снисканія жизни вѣчной, что богачи поэтому суть только распорядители и раздаватели земныхъ благъ, которые принадлежать не имъ собственно, но всеѣмъ имѣтъ. „Ксвечно,—читаемъ мы далѣе въ энцикликѣ классическое спеціально католическое разъясненіе къ этому общехристіанскому ученію,—конечно, никто не обязанъ отдавать другимъ того, что необходимо для его семьи, для людей, ему близкихъ, или въ чемъ онъ самъ нуждается для приличной и соотвѣтствующей своему положенію жизни: ибо,—продолжаетъ папа словами Фомы Аквината,—*никто не обязанъ жить съ неудобствами* (? *nullus enim inconvenienter vivere debet*). Но если требованія необходимости и приличія удовлетворены (?), тогда пужно удѣлять изъ того, что остается, нуждающимся: *quod superest, date eleemosynam* ¹⁾. Это,—гов. папа,—суть святое требованіе христіанской любви (не справедливости,—подчеркиваетъ онъ,—*non justitiae ista sunt*), къ которой призываетъ своихъ послѣдователей І. Христосъ и Своимъ ученіемъ и Своимъ примѣромъ. По этому закону любви, каждый долженъ дѣлиться съ другими всеѣмъ тѣмъ, чѣмъ Господь надѣлилъ его самаго: и вещественными благами и тѣлесными силами, и духовными дарованіями. Нужно при этомъ помнить, что „именно къ обездоленнымъ классамъ предконею преимущественно сердце Кожіе. І. Христосъ называетъ бѣдныхъ (? *miseres duos*) блаженными: Онъ призываетъ къ Себѣ для утѣшенія всеѣхъ труждающихся и обремененныхъ; объемлетъ съ особенно нѣжною любовью малыхъ и угнетенныхъ“. Такъ должны поступать и христіане. Въ мысли о томъ, что все мы дѣти одного Отца, что все мы искуплены и возрождены одною и тою-же кровію нужно искать основанія, на которомъ могутъ быть примирены разъединенные классы общества. Вотъ какъ,—заключаетъ свои разъясненія папа,—учить

¹⁾ Вотъ какъ читается это характерное мѣсто въ подлинникѣ: *Nemo certe opitulari aliis de eo jubetur, quod ad usus pertinet cum suis tum suorum necessarios: immo nec tradere aliis quod ipse eget ad id servandum quod personae conveniat, quodque deceat: nullus enim inconvenienter vivere debet* (S. Thomas. II—II. Quaest. XXXII, a. II). Sed ubi necessitati satis et decore datum, officium est de eo quod superat gratificari indigentibus: *quod superest date eleemosynam* (Лук. XI, 41) etc. Приведенный въ энцикликѣ по переводу Вульгаты текстъ изъ Ев. отъ Луки по греч. читается такъ *πλὴν τα ἐρόντα δοτε ἐλεημοσύνην* (обае отъ сущихъ дадите милостыню, подавайте лучше милостыню изъ того, что у васъ есть). Переводъ Вульгаты въ данномъ случаѣ не имѣетъ основаній ни въ самомъ текстѣ, ни въ контекстѣ. Вотъ типическій образецъ того, какъ Вульгата подтягиваетъ букву къ смыслу, къ общему духу и особенностямъ, характеризующимъ католичество!

насъ относиться къ рабочему вопросу „христіанская философія“. — Но Христіанство не есть только доктрина. Оно есть еще *жизнь*. И при томъ Церковь не только учить жить, но чрезъ своихъ епископовъ, клиръ и чрезъ свои установленія направляетъ, реально управляетъ жизнью. И какъ въ первые вѣка христіанства только Церковью былъ спасенъ отъ окончательнаго разложенія языческой міръ, такъ и теперь только возвращеніемъ къ Церкви-же можетъ быть исцѣленъ отъ золь и бѣдствій міръ, забывающій Церковь. Благотворительность, имѣвшая свой источникъ въ чистой любви первенствующихъ христіанъ, сдѣлала то, что въ первенствующей Церкви не было нуждавшихся (Дѣян. 4. 34): такъ точно и теперь *она* прежде всего можетъ оказать помощь бѣднымъ. Въ послѣднее время на мѣсто христіанской любви хотѣли поставить благотворительность, основанную на законахъ гражданскихъ: „но,—замѣчаетъ папа, — христіанская любовь, которая отдается всецѣло и безъ всякихъ стороннихъ соображеній заботѣ о благѣ ближняго, не можетъ быть замѣнена никакимъ чисто человѣческимъ институтомъ“.

Третья часть энциклики посвящена выясненію роли государства въ отношеніи къ рабочему вопросу. Заботясь объ общемъ благѣ государства, правительство должно особенно заботиться о благѣ рабочихъ, такъ какъ они, ихъ трудъ—основа государственнаго благосостоянія и источникъ государственныхъ богатствъ. Не разнудывая страстей и не потворствуя незаконнымъ притязаніямъ рабочаго люда, защищая отъ ихъ посягательства частную собственность гражданъ, предупреждая стачки и т. д., правительство должно, однако, съ другой стороны, соблюдать и интересы самихъ рабочихъ, такъ какъ они суть такіе-же граждане и элементарная справедливость (справедливость распределяющая—*distributiva*) заставляетъ обращаться съ ними, какъ и со всеми остальными гражданами. Въ частности правительство должно заботиться объ ихъ нравственно-религіозной жизни (наблюдать, наприм., чтобы имъ дозволяли праздновать день воскресный и пр.); защищать ихъ отъ безсердечной эксплуатаціи со стороны собственниковъ, отъ переобремененія непосильнымъ трудомъ (особенно дѣтей и женщинъ); наконецъ, наблюдать, чтобы трудъ ихъ оплачивался, какъ должно. Этотъ послѣдній вопросъ, т. е. вопросъ о заработной платѣ, какъ наиболѣе деликатный и спорный, папа сопровождаетъ специальнымъ разъясненіемъ. „Работать,—разсуждаетъ онъ, — значитъ употреблять свою дѣятельность съ цѣлью снискать себѣ средства необходимыя для удовлетворенія различныхъ потребностей жизни и главнымъ образомъ—для поддержанія самой жизни: *въ тотъ мѣца твоего стиси хлѣбъ твой*. Вотъ почему трудъ получилъ отъ природы какъ бы двойную печать: печать *личности*, такъ какъ дѣятельность, активность *принадлежитъ лицу* и есть его собственность и — печать *необходимости*, такъ какъ человѣкъ *нуждается* въ плодахъ трудовъ своихъ, чтобы сохранить свое существованіе. Если разсматривать трудъ лишь съ одной стороны, со стороны его личнаго характера, тогда конечно вполнѣ во власти рабочаго назначить такую заработную плату по своему желанію: онъ можетъ удовольствоваться незначительной платой или вовсе не требовать никакой. Но совсѣмъ иное дѣло, если мы принимаемъ во вниманіе другую черту труда—его необходимость, неизбежность, отъ которой можно иногда отвлекаться

мысленно, но которая настойчиво заявляет о себѣ фактически. Въ самомъ дѣлѣ, сохраненіе существованія есть обязанность налагаемая природою одинаково на всѣхъ людей и неисполненіе ея есть преступленіе. Но отсюда, изъ этой обязанности необходимо вытекаетъ *право* снижывать себѣ средства, необходимыя для поддержанія существованія. Пусть, слѣдовательно, патронъ и рабочій дѣлаютъ относительно платы условія, какія имъ угодно, — помимо ихъ воли существуетъ законъ естественной справедливости (*justitia naturalis*), — законъ высокій и древній, по которому плата должна быть достаточна, для того, чтобы рабочій могъ существовать опрятно и честно. Если принужденный необходимостію или страхомъ бѣдшаго зла, онъ приметъ условія для себя обременительныя, — потому-ли, что они поставлены патрономъ или потому, что они предложены самимъ рабочимъ, — если онъ приметъ такія условія, то тѣмъ самымъ будетъ совершено нѣчто такое, противъ чего справедливость протестуетъ“. Впрочемъ, замѣчаетъ папа, сдѣлавъ это разъясненіе, эти случаи такъ сложны и тонки, что *государству не по силамъ справляться съ ними*. Поэтому въ данномъ случаѣ, по его мнѣнію, *слѣдуетъ предпочитать коопераціи и синдикаты, при которыхъ на долю государства остается лишь роль второстепенная и вспомогательная*. Сдѣлавъ, въ заключеніе третьей части краткое замѣчаніе о томъ, что нормировка заработной платы, могла бы дать рабочему возможность дѣлать сбереженія и приобретать недвижимую собственность, особенно участки земли, что въ свою очередь могло бы содѣйствовать развитію земледѣлія и прикрѣпленію бродячаго рабочаго люда къ землѣ, — папа переходитъ къ четвертой и послѣдней части энциклики, къ вопросу о коопераціяхъ и синдикатахъ.

Изъ всѣхъ общественныхъ учрежденій (благотворительныя общества, прыюты и т. д.), по мнѣнію папы, всего больше могутъ содѣйствовать мирному разрѣшенію рабочаго вопроса корпораціи самихъ рабочихъ или, какъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе входитъ въ обычай, — рабочихъ вмѣстѣ съ хозяевами. Будучи вызываемы ограниченностію индивидуальныхъ силъ человѣка и потребностію людей во взаимной помощи, корпораціи или частныя союзы освящены и авторитетомъ св. писанія (Екклес., 4. 9—12, Притч., 18, 19). Посему государство не имѣетъ права и не должно запрещать ихъ. „Право на существованіе даровано частнымъ союзамъ самою природою, а общество гражданское установлено, чтобы ограждать естественное право, а не уничтожать его. Вотъ почему гражданское общество (государство), которое стало-бы запрещать частныя союзы, посягало-бы само на себя, такъ какъ всѣ общества, публичныя и частныя, происходятъ изъ одного и того же начала — изъ естественнаго стремленія человѣка къ общежитію“. Конечно, государство должно запрещать такія общества, которыя ставятъ себѣ недостойныя цѣли. Но если цѣль добрая, если при томъ она освящена религіею (какъ наприм., въ религіозныхъ братствахъ и конгрегаціяхъ), тогда государство обязано ему покровительствовать и даже, въ случаѣ надобности, защищать. Прокрипціи и запрещенія этихъ обществъ, къ которымъ, — увъ! — теперь такъ часто прибѣгаютъ, заслуживаютъ всякаго осужденія. Всего лучше было-бы, если бы рабочіе, не давая увлечь себя различными несбыточными общаціями, которыми ихъ заманиваютъ въ свои сѣти социалисты, основывали свои

общества, въ которыхъ они сами устроили бы свои дѣла и свою судьбу: обсуждали бы интересующіе ихъ вопросы, изыскивали средства взаимопомощи, устроили рабочіе конгрессы и такъ д. Очень вѣроятно, что найдутся богатые и благомыслящіе католики, которые захотятъ помочь этимъ ассоціаціямъ и деньгами. „Мы ожидаемъ отъ этихъ корпорацій, — говоритъ папа, — самыхъ богатыхъ плодовъ, лишь бы они устроились и направлялись благоразумною рукою. Пусть и государство покровительствуетъ этимъ обществамъ; но, — подчеркиваетъ папа далѣе, — пусть оно не вмешивается въ ихъ внутреннее управленіе и не касается внутреннихъ основъ (?), обусловливающихъ ихъ жизнь, ибо живое движеніе всегда имѣетъ внутренній источникъ и легко замираетъ подъ дѣйствіемъ внѣшней силы. Итакъ, если, — что безспорно, — граждане свободны образовывать ассоціаціи, то они должны быть такъ-же свободны вырабатывать для себя самостоятельно наиболѣе пригодныя для нихъ постановленія и правила. Какія, — это, конечно зависитъ отъ генія того или другаго народа, отъ условій жизни и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ. По общій принципъ состоитъ въ томъ, чтобы корпораціи содѣйствовали каждому изъ своихъ членовъ достигать возможныхъ для него благъ, тѣлесныхъ и духовныхъ. легчайшимъ способомъ. Говоря иначе, они должны быть основаны на началахъ религіозныхъ и вообще стоять къ Церкви въ возможно тѣсныхъ отношеніяхъ. Прототипъ этихъ ассоціацій — первобытныя христіанскія общества. Какъ-бы то ни было — необходимо, и рано или поздно это совершится, — необходимо обратить наконецъ вниманіе на рабочихъ и перестать цѣнить ихъ на вѣсъ золота, доставляемаго трудами ихъ рукъ, и лучшее средство для облегченія ихъ современнаго положенія — это устройство рабочихъ ассоціацій на христіанскихъ началахъ. Служители Церкви должны объ этомъ особенно позаботиться и употребить на это дѣло челоувѣколюбія всѣ свои силы и все свое вліяніе.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе энциклики. Таковъ этотъ любопытный документъ. Здѣсь есть все и всѣ трудности, повидимому, благополучно обойдены. Въ самомъ дѣлѣ, нужно папѣ снять съ себя упрекъ въ излишнихъ симпатіяхъ къ социалистамъ-демократамъ, которыя такъ прозрачно и недвусмысленно проглядываютъ въ энцикликѣ, — и вотъ онъ выноситъ самый рѣшительный обвинительный вердиктъ ихъ утопіямъ, — разбираетъ и опровергаетъ социализмъ, какъ доктрину. Нужно-ли напомнить забывчиву міру о Церкви? Папа показываетъ, что она и она одна только можетъ принципиально рѣшить осложненный рабочій вопросъ. Нужно-ли утвердить власть и превосходство католической церкви надъ государствомъ, въ которое, — увы! — теперь такъ немногіе склонны вѣрить? Папа учитъ, что у государства есть въ отношеніи къ рабочимъ обязанности, но нѣтъ многихъ правъ, — нѣтъ, напр., права вторгаться во внутреннюю

жизнь ихъ ассоціацій, каковое право, — подразумевается, — принадлежитъ только церкви и ея сановникамъ. Нужно-ли ободрить и успокоить смущенныхъ собственниковъ, имущихъ классъ? Папа учитъ ихъ, что каждый имѣетъ право жить, какъ прилично его положенію (и обычаямъ свѣта?) и лишь то, что остается за удовлетвореніемъ требованій необходимости и приличія (?), отдавать бѣднякамъ (!). Нужно-ли, наконецъ, обнаружить къ этимъ послѣднимъ симпатіи, указать имъ исходъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія? Папа говоритъ, что они имѣютъ право, на которое никто посягнуть не смѣетъ, устроить свою судьбу посредствомъ союзовъ, конгрессовъ и сходовъ и должны воспользоваться этимъ правомъ, такъ какъ, — предполагается, — ни государство, ни общество не помогутъ и не въ силахъ помочь имъ въ данномъ случаѣ. Итакъ, лишь церковь, всемогущая, даже и въ устроеніи земныхъ дѣлъ, католическая церковь въ силахъ помочь бѣднякамъ-рабочимъ въ данномъ случаѣ, — помочь даже и съ чисто внѣшней стороны: вотъ конечный выводъ энциклины. Послѣ всего этого нужно-ли выяснять еще двойственную, — политическую и общекатолическую, — тенденцію энциклики? Не ясно-ли, что она есть лишь фазисъ, одинъ изъ многихъ фазисовъ, тонко разчитанной политической игры современнаго папства, въ которой онъ хочетъ отстоять свои прерогативы, опираясь на симпатіи многочисленнаго и могущественнаго „четвертаго сословія“? И все это „во имя Христова“ и „во имя народнаго блага“!!

Здѣсь ярко выступаетъ предъ нами родовая черта и вмѣстѣ, коренная ошибка католичества, — одна изъ многихъ такихъ-же ошибокъ. Оно вступаетъ за бѣдныхъ, труждающихся и обремененныхъ, выступаетъ во имя заповѣди Христовой: „возлюби ближняго твоего, какъ самаго себя“. Но въ его пониманіи любви еще слишкомъ сильно сказывается языческое, матеріальное, стихійное, плотское начало, которое проявляется въ стремленіи папства къ обезпеченію за бѣдными равнаго съ богачами права на участіе прежде всего въ матеріальныхъ благахъ жизни, чтобы уже затѣмъ, этимъ средствомъ, возвести ихъ къ благу духовному, къ подчиненію авторитету и водительству Церкви (вопреки заповѣди Евангелія: „ищите *прежде* царствія Божія и сія вся *приложатся* вамъ“). Коренясь въ самомъ существѣ и

особенностяхъ католичества, эта тенденція рано или поздно должна была выступить во всей своей недвусмысленной опредѣленности. Вотъ почему, многіе и на западѣ ¹⁾ и у насъ давно уже предрекали эту демократическую эволюцію папства, эту „поправку (!) съ его стороны къ ученію Христа“, это „исправленіе Его подвига“. И вотъ мы дождались исполненія этихъ предсказаній. И съ какою полнотою, съ какими смущающими подробностями они исполнились! „Знаешь-ли ты,—такъ истолковываетъ подлинную, скрытую тенденцію папства нашъ извѣстный беллетристъ-богословъ, Ф. М. Достоевскій, словами Великаго Инквизитора, обращенными ко Христу, съ укоризною, что волей-неволей папству будто-бы приходится „исправлять“ дѣло и подвигъ Его,—знаешь-ли Ты, что пройдутъ вѣка и человѣчество провозгласитъ устами своей премудрости и науки, что преступленія нѣтъ, а, стало быть, нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные. „Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!“ вотъ что напишутъ на знамени, которое воздвигнутъ противъ Тебя и которымъ разрушится храмъ Твой. На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, какъ и прежняя, но все-же Ты-бы могъ избѣжать этой новой башни и на тысячу лѣтъ сократить страданія людей,—ибо къ намъ же вѣдь придутъ они, промучившись тысячу лѣтъ съ своею башней! И мы достроимъ ихъ башню, ибо достроить тотъ, кто накормитъ, а накормимъ лишь мы, *во имя Твое, и солжемъ, что во имя Твое. О, никогда, никогда безъ насъ они не накормятъ себя! Никакая наука не дастъ имъ хлѣба, пока они будутъ оставаться свободными*, но кончится тѣмъ, что они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и скажутъ намъ: „лучше поработите насъ, но накормите насъ“. Ты обѣщаль имъ хлѣбъ небесный, но, повторяю опять, можетъ ли онъ сравниться въ глазахъ слабаго, вѣчно порочнаго и вѣчно неблагороднаго людскаго племени съ земнымъ? Но намъ дороги и эти слабые. Они *порочны и бун-*

¹⁾ Особенно ясно Мельхиоръ Воше (Revue des deux Mondes, 1887, май) и самъ Болъё (le Vatican et le Quirinal въ Revue des deux Mondes, 1884, Janvier, 1-er).

товщики, но подъ конецъ они-то и стануть послушными. Они будутъ дивиться на насъ и будутъ считать насъ за боговъ за то, что мы, ставъ во главѣ ихъ, согласились выносить свободу, которой они испугались, и надъ ними господствовать, — такъ ужасно имъ станетъ подъ конецъ быть свободными! Но мы скажемъ, что послушны Тебѣ и господствуемъ во имя Твое. Мы ихъ обманемъ опять, ибо Тебя мы ужъ не пустимъ изъ себѣ* 1). Да именно современному папству, тронъ котораго болѣе, чѣмъ когда либо распатанъ, понадобились эти „порочные бунтовщики“, эти подвижныя и волнующіяся единицы „четвертаго сословія“, которыхъ такъ выгодно и такъ заманчиво для папства сдѣлать теперь „послушными“...

Но что-же въ концѣ концовъ изъ всѣхъ этихъ недостойныхъ заискиваній папы у черни, изъ всѣхъ этихъ колебаній и компромиссовъ, изъ всѣхъ этихъ горделивыхъ замысловъ „исправить подвигъ и ученіе Христа“, — что изъ всего этого вышло? Удовлетворило-ли когонибудь слово, такъ громко и авторитетно высказанное? Дивились ему по различнымъ мотивамъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія многіе; но удовлетворился имъ едва-ли ктонибудь, — по крайней мѣрѣ въполнѣ. Люди, преданные католичеству и папѣ, были смущены нѣкоторыми мыслями, изложенными въ энцикликѣ, и чтобы уничтожить разладъ между своею религіозною и научною совѣстью, между уваженіемъ къ папѣ и убѣжденіемъ, внушаемымъ опытомъ и наукою, обратились къ обычному въ подобныхъ случаяхъ различенію въ ней двухъ сторонъ — чисто экономической, предложенной будто-бы лишь гипотетически, въ формѣ руководящаго совѣта, и потому не безусловно обязательной, и нравственно-догматической, непреложной (наприм., ученіе о правѣ и границахъ государственнаго вмѣшательства въ рабочій вопросъ признается гипотезою, а экзегетико-догматическое обоснованіе права собственности и пр. непреложнымъ и непогрѣшимымъ догматомъ) 2). Другіе, сторонники современнаго государственнаго строя, монархическаго и республиканскаго, противники папскаго вмѣшательства, недовѣрчиво относящіеся къ со-

1) О. М. Достоевскій, т. 12-й (по изд. 1888 г.), стр. 293—4.

2) См. у Бомѣ, р. 78 и рядомъ.

мнительной „автономіи“ демократовъ, усмотрѣли въ энцикликѣ возмущеніе низшихъ классовъ противъ существующаго социальна-экономическаго строя. Наконецъ, даже и сами демократы, польщенные, конечно, вниманіемъ папы и ободренные въ своихъ притязаніяхъ, въ сущности все же остались не вполне довольны энцикликою. Папа поманилъ ихъ призракомъ благополучія и свободы, автономіи, и они прельстились этимъ призракомъ и готовы уже слѣдовать за нимъ. Но эти блага обѣщаны имъ не безусловно. Какъ-бы въ выкупъ за нихъ церковь ставитъ демократамъ два требованія: вѣру въ міръ невидимый и подчиненіе духовному авторитету, въ замѣнъ авторитета мірскаго. И вотъ этихъ-то двухъ требованій современные демократы выполнить не могутъ и не хотятъ. Четвертое сословіе къ этимъ вещамъ такъ сказать „не имѣетъ вкуса“. Христіанство, даже въ той потемненной формѣ, въ которой его хранитъ католичество, — христіанство и социализмъ суть два противоположныя начала, которыя проникнуты различнымъ духомъ, до противоположности различно понимаютъ назначеніе человѣка и ведутъ его къ различнымъ цѣлямъ: одно учить постоянно вперять взоръ въ небо, другое слишкомъ глубоко опустило его долу и не можетъ оторвать отъ земныхъ и плотскихъ привязанностей и приманокъ. Привязывая всѣ свои надежды къ этому подлунному міру, ограничивая свой кругозоръ и свои стремленія благами, утѣхами и радостями этой, земной жизни, глашатаи социализма не любятъ слушать о потустороннемъ мірѣ и, какъ скептически настроенные эллины временъ апостольскихъ, готовы называть безумцемъ того, кто сталъ-бы говорить имъ о судѣ и воскресеніи, о небесномъ Иерусалимѣ и о небесныхъ благахъ. Вѣрѣ, упованіямъ христіанскимъ и раю, котораго вѣрующіе во Христа, по обѣтованію Его, чаютъ въ жизни будущей, фанатики социализма предпочитаютъ не столь возвышенный, но зато по ихъ мнимымъ надеждамъ, болѣе близкій къ осуществленію рай земной, съ его чувственными благами и прелестями, и руководствуются этой *новой* вѣрой въ его осуществимость. Нѣтъ, социализмъ не хочетъ заботъ о душѣ, въ какой-бы смягченной и тонкой формѣ они ему ни предносились. Онъ живетъ тѣломъ. Онъ сынъ земли и земли только. И когда папа, предлагая четвертому со-

словію извести его изъ земли работы, требуетъ отъ него въ замѣнъ этого вѣры въ міръ невидимый и подчиненія своему духовному авторитету, — то даже и этотъ „*minimum* религіи“ кажется соціаль-демократомъ слишкомъ дорогимъ выкупомъ.

Соціальный вопросъ есть вопросъ не плоти, а духа. Это признаетъ даже и современная соціально-экономическая наука. Съ улучшеніемъ матеріальнаго положенія рабочихъ, ихъ соціалистическія утопіи не ослабѣваютъ, какъ-бы слѣдовало ожидать, а напротивъ становятся все напряженнѣе, заявляютъ себя настойчивѣе и соціалистическія движенія принимаютъ все болѣе и болѣе острую форму. Логика тутъ понятная. Добились необходимаго, почему не добиться всего? Перестали умирать съ голоду: почему не устроить себѣ комфортъ? Вѣдь живутъ-же съ комфортомъ другіе, „имущіе классы“: чѣмъ они лучше? Вотъ это грозное „чѣмъ они лучше“, за которымъ скрывается еще болѣе грозный девизъ: „война противъ дворцовъ и миръ съ хижинами“, — эти грозные, все рѣшительнѣе и смѣлѣе раздающіеся призывы, — чѣмъ избавить отъ нихъ смятенное европейское общество? Ясно, что здѣсь ничего не можетъ быть достигнуто полумѣрами, поблажками и уступками. Подлинный стимуль всѣхъ соціалистическихъ движеній, какъ показываетъ ихъ исторія, коренится не столько въ *нынѣшнихъ* страданіяхъ обездоленныхъ массъ, сколько въ ихъ *вчерашнемъ* успѣхѣ и въ надеждахъ на *будущее*. Сегодня имъ уступлена автономія въ ассоціаціяхъ и сходкахъ; не потянутся-ли они завтра къ большому? Сегодня сведенъ до *minimum*'а рабочий день: не запросятъ-ли они завтра совершенной отбѣны работы? Нынѣ имъ установлена максимальная поденная плата, избавляющая ихъ отъ заботы о первыхъ потребностяхъ жизни: не запросятъ-ли они завтра удобствъ и комфорта? Вѣдь мы знаемъ, что въ древнемъ мірѣ, при сходныхъ условіяхъ, вмѣстѣ съ требованіемъ *хлѣба* раздавалось и требованіе *зрѣлицъ*. Нѣтъ, не въ этихъ компромиссахъ и уступкахъ спасеніе. Для этого нужно нѣчто большее—нѣчто весьма большее: *нужно принципиальное измѣненіе взглядовъ на богатство и земныя блага на взгляды подлинно христіанскіе*; нужна энергичная проповѣдь и сло-

вомъ и дѣломъ о ихъ брѣности и лишь относительной цѣнѣ и значеніи. Но современный культурный западный міръ,—гдѣ возьметъ онъ этихъ проповѣдниковъ? Папство-ли окажетъ ему эту услугу? Но мы видѣли уже, что увѣровавъ болѣе въ себя и въ свои силы, чѣмъ въ непреложное слово Христа, оно, вмѣсто возвѣщенія Его чистаго и непотемненаго ученія, вступаетъ на сомнительный и пагубный путь политическихъ расчетовъ, колебаній и компромиссовъ. Общество-ли людей передовыхъ, культурныхъ? Но если-бы оно взяло на себя эту щекотливую миссію разъяснять четвертому сословію правильный взглядъ на земныя блага, то, конечно поучаемые были-бы въ правѣ отвѣтить своему непризванному и двусмысленному учителю: „врачу, исцѣлился самъ“! Въ самомъ дѣлѣ, развѣ современные передовые классы не проповѣдуютъ самымъ энергичнымъ и краснорѣчивымъ образомъ, строемъ всей своей жизни,—развѣ не проповѣдуютъ они совершенно противнаго? Современная плутократка, издорживающая чуть не весь годовой бюджетъ своего супруга на прихотливые костюмы,—развѣ она не является для бѣдной „дочери народа“ трудно побѣдимымъ, раздражающимъ соблазномъ и не въ правѣ-ли эта послѣдняя сказать, что именно она, эта гордая плутократка развращаетъ ее, порождая въ ней зависть и погоню за роскошью и нарядами? Развѣ богатые *banquiers* и *буржуа*, безпечно проводящіе время чуть не съ утра до ночи, особенно въ *открытыхъ* (какъ повсюду въ Парижѣ) *cafés*, на виду у праздно толпящагося безработнаго чернаго люда,—развѣ они косвенно не виноваты въ этихъ грозныхъ рабочихъ движеніяхъ? Не они-ли проповѣдуютъ массамъ и своимъ примѣромъ и своею жизнью языческое отношеніе къ богатству? Не они-ли зажигаютъ въ немъ чувства зависти, ненависти и затаенной злости? Не они-ли убиваютъ его нравственно? Вотъ почему въ воздухѣ современнаго культурнаго міра, кажется, снова носится грозный древній вопросъ: „Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?“ Все въ немъ, въ этомъ забывшемся и утратившемъ смыслъ текущаго мірѣ, объято однимъ духомъ, охвачено однимъ стремленіемъ, стремленіемъ къ наживѣ. Нуженъ новый Моисей, который энергично и властно, воздѣвъ руки горѣ,

напомнилъ бы этому міру, какъ древнимъ богоотступнымъ и вѣроломнымъ евреямъ: „не сотвори себѣ кумира!“..

И вотъ, когда подъ гнетомъ этихъ настроеній и думъ, мы вслушиваемся въ голоса людей, которые яснѣе другихъ понимаютъ наличное положеніе дѣль, и не имѣютъ причинъ не говорить того, о чемъ думаютъ, мы разслушиваемъ два глубокоискреннихъ и знаменательныхъ слова,—двѣ выразительныхъ и характерныхъ формулы: *le christianismes'est refroidi dans le monde*—и *adveniat Regnum Tuum!* Въ этихъ двухъ формулахъ, недавно выставленныхъ двумя видными французскими писателями ¹⁾,—изъ которыхъ въ одной звучитъ сожалѣніе о прошломъ, а въ другой опасеніе за будущее, — выражается вся суть современнаго настроенія западнаго культурнаго міра, который извѣрился въ своихъ силахъ и молитвенно ищетъ помощи свыше... По этому настроенію можно уже дорисовать печальную, къ сожалѣнію, лишь слабо и въ общихъ чертахъ намѣченную нами выше, картину современной западной дѣйствительности.

А. Введенскій.

Парижъ, Сентябрь 1892 г.

Сергиевъ Посадъ, Мартъ 1893 г. ²⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Этими формулами *Тенъ* и *Леруа Болье* заканчиваютъ свои, не разъ цитованныя нами въ настоящемъ письмѣ, монографіи.

2) Настоящее „письмо“, начатое, какъ видно изъ поставленной даты, еще въ Парижѣ, по разнымъ обстоятельствамъ, могло быть закончено лишь здѣсь (въ Серг. Посадѣ). Рѣшаясь его печатать послѣ столь продолжительнаго перерыва (въ чемъ и извиняемся), мы руководствуемся двумя мотивами: во 1-хъ) мы считаемъ себя обязанными предъ читателями „Богосл. Вѣстника“ окончаніемъ нашихъ „писемъ“, хотя-бы нѣсколько запоздалыхъ; и во 2-хъ) имѣемъ въ виду, что для настоящаго, равно какъ и для послѣдующаго (заключительнаго), писемъ, посвященныхъ общимъ явленіямъ и сторонамъ западной жизни, вопросъ времени большаго значенія не имѣеть.

Авторъ.